

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

К. Цюрхер

Мультикультурализм и
этнополитический порядок
в постсоветской России: некоторые
методологические замечания

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1999-6-12-Zuercher.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания

К. Цюрхер

ЦЮРХЕР Кристоф, преподаватель и научный работник Института восточноевропейских исследований Берлинского свободного университета.

Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций

Хотя маленькая планета Набу слабо населена, она является домом для двух особых развитых цивилизаций, построивших прекрасные города.
“Призрачная угроза: эпизод 1”

Когда речь заходит о мультикультурализме, мне на память приходят две ведущие фигуры сегодняшней индустрии развлечений. Одна из них — Самуэль Хантингтон, который больше, чем кто бы то ни было, способствовал распространению идеи мультикультурного мира, где отличающиеся друг от друга соперничающие цивилизации вовлечены в бесконечную борьбу между собой. Другая — Джордж Лукас, режиссер фильмов о звездных войнах, вот уже многие годы рассказывающий истории о далеких галактиках, населенных различными цивилизациями — и хорошими, и плохими.

В одной из последних серий лукасовских бесконечных “звездных войн” (“Призрачная угроза: эпизод 1”) повествуется о том, как давным-давно в некоей далекой галактике существовала благословенная планета Набу, где “обитали две особые развитые цивилизации”. На поверхности проживали набу, тогда как жидкое ядро полой планеты населяли гунгасы. Когда планета подверглась нападению со стороны злобных внешних сил (а угроза всегда приходит извне), обе “особые развитые культуры” осознали, что живут в состоянии симбиоза — то, что происходит с одной из них, неизбежно влияет и на другую. Гунгасы и набу объединили силы, сохранили свой симбиотический образ жизни и тем самым провозгласили миру “благую весть” голливудского мультикультурализма. На смену хантингтоновскому столкновению цивилизаций пришел лукасовский симбиотический мультикультурализм.

Однако если присмотреться внимательнее, то обнаружится, что между голливудской версией симбиотического мультикультурализма и хантингтоновской моделью столкновения цивилизаций есть немало общего. Взгляните, к примеру, на мультикультурную планету Набу: здесь обитают гундасы и набу, две “особые” и “развитые”, другими словами — разные, цивилизации, но какое-либо ценностное определение их личности опускается. Они живут в состоянии симбиоза, означающего, что у них единая среда обитания, но у них нет общих институтов и они не ведут обмена ценностными или культурными кодами. Кроме того (а это удобно), они не конкурируют за ограниченные ресурсы.

Иначе говоря, в образе планеты Набу, похоже, кратко выражены наиболее популярные и широко распространенные представления о мультикультурализме, которые сводятся к следующему:

— есть особые, но равные цивилизации, и они — примордиальны;

— сосуществование особых цивилизаций заключается в том, что они обладают единой средой обитания и подвергаются общим угрозам.

Но:

- они не имеют общих институтов или сводов законов;
- между ними крайне редко происходит какой-либо культурный обмен;
- им не введена такая вещь, как профессиональные Grenzgangers (буквально: нарушители границ);
- нет “размытой” пограничной зоны, где бы осуществлялось постепенное смешение культурных характеристик;
- полностью отсутствует культурный синкретизм — культуры разделены четко выраженными непреодолимыми границами.

Как ни странно, все это удивительно напоминает мир хантингтоновских сталкивающихся цивилизаций (1). Прочтите еще раз его “Столкновение цивилизаций?”, и вы увидите, что, когда речь идет о мультикультурализме, Хантингтон практически полностью разделяет представления Лукаса. Они различаются только в одном: если в мире Лукаса особые цивилизации существуют, имеют общую среду обитания, но не конкурируют за ограниченные ресурсы, то у Хантингтона цивилизации постоянно соперничают между собой. Таким образом, лугасовскую модель можно назвать *параллельным многообразием*, тогда как модель Хантингтона — *многообразием конкурентным*.

Но вот что поразительно: ни в одном из этих весьма популярных дискурсов не предусмотрено ни содержательного контакта между особыми цивилизациями, ни обмена между ними, ни наличия общих институтов. Такое совпадение между моделями Хантингтона и Лукаса заставляет задуматься о том, что же произошло с прежней программой мультикультурализма — а также со славным проектом постмодернистского плюрализма. Позвольте мне вкратце рассмотреть некоторые аспекты развития концепции мультикультурализма.

О культуре и праве на самовыражение после Модерна

Нельзя отрицать, что мы живем в мультикультурном мире. Но так было всегда. Потоки людей (мигрантов, беженцев, гастарбайтеров, туристов) и образов различных культур, многократно усилившиеся за последние десятилетия, ни в коей мере не являются чем-то новым — просто изменились (пусть резко) их масштаб и интенсивность. Тем не менее только в конце 1960-х — начале 1970-х годов общественность и научные круги стали осознавать, что некоторые группы обладают правом выражать свое мнение, тогда как другие — нет. Мультикультурализм в интеллектуальном дискурсе был изначально тесно связан с этими “другими”, “неосновными”, “безгласными” группами.

Ученые-обществоведы, в первую очередь антропологи, а также всевозможные специалисты в области коммуникаций поставили перед собой задачу наделить “голосом” безгласные группы. Значительная часть подобных усилий предпринималась уже в рамках сообщества, воспринимавшего себя в качестве постмодернистского. Поиски аутентичных способов выражения мнений осуществлялись в рамках столь разных научных сфер, как колониальные/постколониальные и урбанистические исследования, феминизм и культурология. Понятия “этническая группа” и “этническая община” стали употребляться (особенно в Соединенных Штатах) как синонимы понятия “меньшинства”.

В конце 1970-х и начале 1980-х годов концепция *наделения* голосом утратила популярность. Напротив, задачей дня стало *выслушать подлинное, аутентичное мнение* ранее безгласных групп, которые теперь уже хотели быть услышанными. Вероятно, на излете 1980-х годов обнаружилось то, что (хотя в

действительности и не было чем-то неожиданным) у некоторых вызвало разочарование. Сколь бы оправданным ни было наделение голосом, а потом и выслушивание ранее безгласных, их голоса временами звучали также, как голоса доминирующих групп, которым они предположительно должны были бы противостоять — не только политически (как меньшинства, требующие легитимации своих культурных и социальных прав), но и в нормативном, нравственном плане (как маргинализированные группы, высказывающие, в отличие от групп доминирующих, аутентичную истину).

[Постмодернистское] движение, безусловно, обладало мощным освободительным и гуманистическим потенциалом (2), но, как часто бывает в истории идей, исходный импульс обратился в свою противоположность. В результате ироничного поворота интеллектуальной истории, который, несомненно, приведет в восторг приверженцев диалектики, постмодернистский поход в защиту аутентичных мнений, похоже, окончился на Набу — планете, где живут две особые, развитые и равноценные цивилизации, действительно настолько особые, что между ними отсутствует даже культурный обмен, которые не пытаются создать общие институты и взаимодействуют только в том случае, если третья сторона угрожает их симбиотичному (но тем не менее изолированному друг от друга) образу жизни. Таким образом, постмодернистский упор на *различия* и *аутентичность* привел к расширению границ между группами, усилению чувства исключительности, повышению значимости коллективных прав за счет прав индивидуальных; [сторонников такого подхода] заботят не столько создание и институционализация культуры, сколько следствия культурных различий. Проще говоря, среди всех интеллектуальных течений постмодернизм закрепил нечто, давно исчерпавшее себя, — идею аутентичности.

Разумеется, это не было сознательной и преднамеренной акцией. Мне, конечно, известен список постмодернистских авторов, которые — в разрушительном порыве — разложили на части “сущности” или же — в творческом порыве — показали, что категории, подобные нации, этносу, расе и полу, представляют собой социальные конструкты. Однако, сколь бы влиятельным ни было данное направление мысли в сфере общественных наук, победу одержали “аутентичность” и “различие”. Постмодернизм добился немалых успехов в разрушении господствовавших “гегемонистских” дискурсов, показав, что большинство легитимирующих нарративов являются на деле дискурсивными властными стратегиями, и сломав широкие нарративы нации, примордиальности, расы и класса. Все это было проделано ради угнетенных, безгласных и маргинализированных. Теперь безгласные заговорили — но заговорили на языке модерна, на языке аутентичности, подчеркивая действительные и существенные различия.

Таким образом, складывается впечатление, что на рубеже столетия, после двух десятилетий развенчания так наз. сущностного и примордиального ядра культурного (или этнического) своеобразия, границы между различными культурами охраняются не менее тщательно, чем прежде. Далеко не все ученые-обществоведы придерживаются в своей работе конструктивистского стиля — однако идеи, связанные с ценностями “аутентичности” и “различия”, безусловно, присутствуют в дискурсе самоосознания коллективных акторов всех типов, они повторяются политиками и, наконец, весьма серьезно воспринимаются мировым сообществом. Каких бы успехов ни добилась общественная наука в разрушении онтологического содержания концептов “нации” или “этноса”, они, похоже, слабо сказываются на массовом употреблении данных понятий. Подобно тому, как происходит в мире Хантингтона и Лукаса, культура и, коли на то пошло, этничность рассматриваются как “нечто”, раз и навсегда связанное некими примордиальными узами с членами конкретной “мы”-группы. Такой подход ведет к замутнению и значительному искажению смысла и назначения культуры.

Культуру следует понимать прежде всего как форму коммуникации. Конечно, нельзя отрицать, что одной из важнейших функций этой формы коммуникации является проведение разграничительных линий между различными “мы”-группами. Но культура также служит коммуникационным кодом, который могут выучить и использовать аутсайдеры. Тем самым она становится “местом встречи”, открытым для различных групп. И последнее важное обстоятельство: культура не есть генетическое свойство какой-то специфической “мы”-группы; она может существовать в качестве кода и без конкретного носителя. Советского народа никогда не было, но вряд ли кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что имелась советская культура, которая во многом определяла и формировала повседневную жизнь людей на территории всего бывшего Советского Союза.

“Мы”-группы в постСоветской России и потребность в создании областей взаимодействия между ними

Стоило “постимперской” России начать переход от модерна к постмодерну*, как она столкнулась с требованиями со стороны всевозможных “мы”-групп. *Я не сомневаюсь, что понимание “мы”-группами собственного своеобразия, равно как и абсолютное число “мы”-групп, осознающих себя в качестве таковых и выдвигающих особые социальные, политические и культурные требования, будут возрастать*, причем это будет происходить вне зависимости от характера политического и экономического развития страны. Дело не только в том, что предпринимавшиеся в советские времена попытки фальсификации и канализации культурных различий, и — в конечном счете — контроля над ними чаще всего не уничтожали и не сокращали, а создавали или усиливали культурное своеобразие “мы”-групп (4), тем самым способствуя росту самосознания последних; и не только в реакции на имплозию советской империи, ее норм и ценностей, которая породила потребность в переоценке, воссоздании или формировании группового культурного своеобразия. Неизбежность данных процессов в гораздо большей степени, вероятно, обусловлена тем, что они соответствуют общемировой тенденции к увеличению числа обладающих самосознанием “мы”-групп, учитывая моральный авторитет и признание ценностей “различия и аутентичности”, а также усиливающееся внимание мирового сообщества к коллективным правам.

Однако, в отличие от планеты Набу, Россия как государство и ее народы как социум вынуждены создавать общие институты, организовывать культурный обмен и согласовывать конкурирующие притязания на доступ к ресурсам, поскольку при нормальном ходе событий эта страна — по ряду исторических причин — должна остаться мультикультурной**. Другие две альтернативы — (а) превратиться в многонациональную империю и (б) распасться на множество квазинаций-государств — не осуществимы, и любая попытка, направленная на воплощение в жизнь какой-либо из этих альтернатив, несет в себе серьезную угрозу стабильности всей Российской Федерации.

Поэтому перед теми, кто вырабатывает политический курс, а также перед обществом в целом неизбежно встает задача сохранения/создания областей взаимодействия между различными группами. Это предполагает:

— сохранение/создание общих институтов;

— организацию или обеспечение возможности культурного обмена;

— поддержание/формирование размытых пограничных зон между культурами. Такого рода пограничные зоны облегчат культурный обмен и постепенное взаимопроникновение культур, тем самым предотвращая ситуации, требующие выбора “или-или”, и способствуя решениям по принципу “больше или меньше”.

Размытые пограничные зоны, служащие областями взаимодействия “мы”-групп, представляют собой необходимую предпосылку любого содержательного мультикультурализма. Так, если говорить о постсоветской России, то в данном случае требуется сохранить (т.е. подключиться к советскому наследию) и создать (или придать форму постсоветскому развитию) не *параллельное* (модель Лукаса) и не *конкуреннтное* (модель Хантингтона), но *интегративное многообразие*^{***}.

Сегодняшняя Россия является одновременно и постсоветской, и постмодернистской. Ей придется жить в ситуации постмодерна, поскольку нет (да и откуда им взяться) никаких признаков того, что культурные отличия между особыми “мы”-группами — определяемыми через этничность, конфессию, пол, стиль жизни (если перечислять только лежащие на поверхности индикаторы различий) — в постсоветском пространстве будут сокращаться. Надежды на нивелирующее воздействие модерна (один из основных догматов теорий модернизации) оказались ложными, и после того, как эпоха модерна окончилась, мы наблюдаем усиление дифференциации между “мы”-группами, а также расширение спроса на коллективные права и рост их популярности. Именно в таких условиях и вынуждена будет существовать Россия.

Кроме того, постсоветской России при всем желании не хватит ресурсов, чтобы установить централизованный, институционализированный дискурс и централизованные, наделенные законным статусом институты. Таким образом, наилучшим решением для нее будет признание культурного синкретизма, т.е. интегративного многообразия, которое, с одной стороны, позволит сохранить культурные различия, а с другой — обеспечит общие институты и размытые пограничные зоны.

Исследование этнополитической стабильности путем анализа местных институтов

Далее я сужу рамки исследования, сосредоточившись на анализе одного из аспектов мультикультурализма. В последующих разделах статьи я попытаюсь набросать аналитическую схему объяснения этнополитического порядка/разупорядочения в постсоветской России^{****}. В связи с этим я сконцентрирую внимание на том, в чем вижу одну из наиболее жгучих проблем сегодняшней России: на соотношении между территорией, государством и этническими группами. Я полагаю, что полем для реального тестирования содержательного российского мультикультурализма должны стать многонациональные и во многих случаях мультиконфессиональные суверенные республики в составе РФ. Именно там возникали открытые конфликты, и именно там наиболее велика потребность в институционализированном интегральном многообразии.

Поэтому объектом анализа [в настоящей статье] выступают бывшие автономные, а ныне суверенные многонациональные республики России. Именно на этом уровне либо удавалось (как ни странно, довольно часто), либо не удавалось (например, в Чечне, Северной Осетии или в последнее время в Дагестане) найти мирные средства упорядочения треугольника “государство — территория — этническая группа”. Большинство эмпирических данных, на которые я опираюсь в этой работе, почерпнуты из опыта северокавказских республик РФ.

В моей статье затрагиваются преимущественно методологические вопросы. На то есть две причины. Во-первых, выстраивая аналитическую схему объяснения этнополитических конфликтов в бывшем Советском Союзе, мы обнаруживаем, что теоретическая литература по рассматриваемой проблеме в большинстве случаев имеет серьезные изъяны. Главным из них является тот поразительный факт, что почти все авторы заняты толкованием исключительно “горячих” конфликтов и фактически нет работ, где бы исследовались стабильные,

неконфликтные исходы. Учитывая то обстоятельство, что изначальные структурные условия в бывших автономных республиках, особенно на Северном Кавказе, демонстрируют значительную степень сходства, остается только удивляться, почему так мало усилий вкладывается в поиск тех факторов, которые объясняют мирные и устойчивые этнополитические отношения. Заметьте, в том же самом регионе существует целый спектр конфликтных потенциалов, которые не перерастают в острые конфликты. Другими словами, наличие сходных структурных предпосылок, или “дозволяющих” условий (*permissive conditions*), не всегда — и не автоматически — влечет за собой возникновение “горячих” конфликтов. Стремительные институциональные изменения, подобные тем, которые произошли в постсоветской России, могут привести к новым институциональным соглашениям в иных, как правило более узких, рамках, и такие институциональные соглашения способны обеспечить стабильность в межгрупповых взаимодействиях и разрешение приграничных споров. Процесс государственного и национального строительства на руинах империи, будучи по своей природе фрагментирующим и разделяющим, не обязательно ведет к открытому конфликту. Соответственно, ключевой вопрос заключается в том, чтобы определить, какие условия способствуют становлению новых порядков, какие факторы и акторы необходимы для создания устойчивого равновесия во внутри— и межгрупповых отношениях.

Вторая причина моего обращения к методологическим, а не к эмпирическим проблемам заключается в том, что мы не располагаем достаточным массивом эмпирических данных относительно процессов низового уровня. На основе имеющегося в нашем распоряжении материала можно сформулировать лишь предварительные гипотезы.

Я уверен, что любое объяснение как этнополитической стабильности, так и “горячего” этнополитического конфликта, должно начинаться с анализа институтов, определяющих взаимоотношения между различными “мы”-группами. *Эти взаимоотношения могут принимать форму либо параллельного, либо конкурентного, либо интегративного многообразия.* Учитывая, что мы имеем дело с особыми “мы”-группами, проживающими на одной территории и в рамках единого государства, только последняя альтернатива способна обеспечить прочный этнополитический порядок.

Поэтому для решения задач, поставленных в настоящей работе, я свожу сложный феномен мультикультурализма к более узкому вопросу о том, как различные, особые “мы”-группы могут достичь и поддерживать институциональное согласие, которое позволит им жить на одной территории и в рамках единого государства. Думается, что для постсоветской России он является одним из наиболее острых.

Этнические “мы”-группы

Я сфокусирую свое внимание на “мы”-группах, определяемых по принципу этнической принадлежности. При этом я абстрагируюсь от вопроса о том, являются ли различия между этническими группами сущностными либо вымышленными. Данная проблема, будучи, безусловно, крайне интересной, относится к числу сугубо академических и не имеет отношения к общественной практике. Объектом анализа в настоящей работе выступает не этничность сама по себе, а скорее пути институционализации этничности в многонациональном государстве и его многонациональных составляющих (таких, как все бывшие автономные республики и практически все области РФ). То есть, в отличие от большинства исследующих этнополитические конфликты авторов, отправной точкой для которых служат реальные и имманентные черты этнических групп, я предлагаю начать с анализа существующих институциональных рамок, упорядочивающих отношения между государством, территорией и этническими

группами. Тем не менее — для прояснения своей позиции — я дам краткое определение используемой в статье трактовки понятия этничности^{****}.

Этническая принадлежность по-прежнему является сильнейшим, самым взрывным, но одновременно наиболее общепринятым и легитимизированным индикатором различий, поскольку:

— индивиду крайне сложно сменить сопутствующие этничности признаки (т.е. часть или все нижеперечисленные: язык, нарицательное имя, миф об общем происхождении, привязанность к определенной территории, религию, общую систему ценностей, известную групповую солидарность);

— на основе некоторых из этих признаков посторонние легко могут атрибутировать индивида;

— последовательные и сознательные этнические группы вознаграждаются мировым сообществом. Согласно международным законам и практике, существование подобной группы выступает одним из двух необходимых условий нации (другое — наличие границ). В мультинациональном государстве эти свойства служат предпосылкой приобретения группой коллективных прав, таких как права меньшинства, политическое представительство и автономия.

Я не считаю этнические группы реальными онтологическими данностями и объектом анализа. Несмотря на популярность подхода “Хантингтона/Лукаса”, я вижу в них “мы”-группы, являющие собой не устойчивый продукт исторически сложившихся структур, а скорее некий живой и случайный отросток. По справедливому замечанию Р.Брубейкера, “недостаток... субстанциальной трактовки наций как реальных сущностей заключается в том, что она усваивает *категории практики в виде категорий анализа*... Возражать против материалистического и субстанциального способа осмысления наций не значит оспаривать реальность национального существования. Это означает отделять изучение национального существования и национальной принадлежности от изучения наций как субстанциальных сущностей, коллективов или сообществ. Это означает фокусировать внимание на национальной принадлежности как на концептуальной переменной... а не на нациях как на реальных общностях. Это означает рассматривать нации *не в качестве сущности, а в качестве институционализированной формы; не в качестве общности, а в качестве практической категории, не в качестве данности, а в качестве случайного явления*” (курсив мой — К.Ц.) (7, с.15-16).

Почему возникает или не возникает конфликт? Об условиях этнополитического разупорядочения

Кавказ (Северный и Закавказье) приобрел дурную славу как регион, где вследствие этнических волнений и жесткого национализма сложилась ситуация постоянной нестабильности. По меньшей мере в пяти случаях — конфликт вокруг Нагорного Карабаха, война в Чечне, яростные споры относительно двух автономных районов Грузии (Осетии и Абхазии) и, наконец, раздоры между ингушами и осетинами по поводу Пригородного района — нестабильность обернулась полномасштабными войнами с громадными материальными потерями и множеством человеческих жертв.

В связи с этим главная задача заключается, во-первых, в выявлении структурных факторов (или “допускающих” условий), подготовивших почву для возникновения конфликтов, и, во-вторых, в анализе непосредственных причин, которые способствовали преобразованию конфликтных потенциалов либо в острый конфликт, либо в новое равновесие сил. Реальной проблемой, в которой следует разобраться, является не столько “конфликт”, сколько девиация и

различные исходы при аналогичных “допускающих” условиях. Почему в одних регионах “горячие” конфликты были предотвращены, а в других — нет?

Я исхожу из того, что имеется совокупность “допускающих” условий, общих для всего северокавказского региона (и для многих других частей бывшего Советского Союза, а также для бывшей Югославии). К ним относятся:

— сложная этническая география с границами, рассекающими места расселения этнических общин, а также с иноэтническими островками, расположенными на территориях, где проживают другие этнические группы (так наз. этнические вкрапления);

— запутанная история взаимных обид, корнями уходящая в сталинские депортации и автократические изменения административных границ;

— геоисторическое расположение регионов на “границах цивилизации”. Вопреки утверждениям Хантингтона, само по себе это обстоятельство не ведет к конфликту, однако, как справедливо отмечают специалисты в области социальной истории, оно объясняет многообразие социальных, экономических и культурных форм развития. Кроме того, “границы цивилизации” могут служить мощным индикатором различий, тем самым обеспечивая высокую степень легитимации групповой мобилизации;

— обусловленное внутренними особенностями социалистического способа производства ухудшение экономической ситуации в период после 1980-х годов, которое резко контрастировало с растущими ожиданиями людей;

— административно-территориальное деление СССР (этнофедерализм). В Советском Союзе была реализована крайне редко встречающаяся модель административного деления, основанная на принципе территориального статуса этнической принадлежности. При распаде мультиэтнической советской империи существующие границы административно-территориальных единиц и стали линиями разломов. Хотя эти границы практически нигде не соответствовали этнической географии, сами по себе они, как ни странно, не оспаривались — при том что вопрос о статусе территорий оказался предметом жесточайшей борьбы. Таким образом, кристаллизовалась и стала решающим фактором этнополитических отношений в постсоветской России именно этничность, приобретшая территориальный статус в рамках административных границ Советского Союза (сколь бы искусственными они ни были);

— псевдоинституты, т.е. те институты, которые формально составляли часть советской системы управления, но фактически не имели ни влияния, ни политической власти. К ним относятся, прежде всего, местные представительные органы, парламент и советы. Как только центральная власть начала распадаться, эти псевдоинституты пробудились от навязанной им советской системой спячки. В ходе конкурентного и конфликтного процесса они обрели новое содержание и реальные функции. Советы превратились в настоящие представительные органы, “аутентичный” глас “народа”. Люди в новом обмундировании приступили к охране границ, и новые флаги стали символами территорий. В условиях ощутимой слабости, а затем и коллапса центральной власти рассматриваемые институты начали наполняться смыслом и функциональным назначением — процесс, который по своей природе чреват спорами и конфликтами, ибо предполагает проведение границ — территориальных, экономических, политических и культурных. Требовалось возвести границы между группами, семьями, а нередко и “внутри” самих индивидов;

— имплозия, или утрата гаранта. Последним общим [для исследуемых регионов] “допускающим” условием является то, что можно определить как утрату гаранта. При социалистическом типе правления упорядочение отношений между

территорией, этносом и государством в огромной степени зависело от центральных органов власти, партии и силовых структур. Утрата центром способности регулировать эти отношения дала толчок развитию процесса, который в советской прессе получил название “парад суверенитетов”. На деле же он означал поиски новых форм институционального упорядочения отношений между этническими группами, “их” (как они стали оценивать) территорией и государством. Вопросы о форме государства и о том, чье оно, до сих пор лежат в основе конфликтов. Таким образом, на территории постсоветской России начались процессы национального и государственного строительства, которые в одних случаях оказались успешными и ненасильственными, в других — успешными, но насильственными, в третьих — катастрофическими.

Структурные факторы позволяют оценить степень вероятности возникновения этнического конфликта в регионе. Но они не объясняют, почему и когда такие конфликты действительно вспыхивают и почему некоторые из них переходят не в насилие, а скорее в новое равновесие. Они мало что говорят о непосредственных причинах конфликта и возможности достижения нового баланса. Если исходить из перечисленных выше структурных факторов, может сложиться впечатление, что острые этнические конфликты должны происходить по всему Кавказу. Однако “горячие” конфликты возникают не повсеместно, и на фоне Чечни, Нагорного Карабаха и бывшей Югославии многонациональные Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и, особенно, Дагестан вплоть до недавнего времени, безусловно, являли собой образцы благополучного развития событий.

Можно привести еще много примеров подобного рода. В данной связи важно, однако, то, что структурное сходство, или аналогичные “допускающие” условия, не ведут автоматически к эскалации конфликта. Это означает, что должны существовать институты и процедуры, способные изменить его форму, т.е. перевести конфликты типа “или-или” в конфликты по принципу “больше или меньше”.

Как это происходит? Какие факторы, условия и стратегии элит позволили сохранить состояние равновесия даже после того, как советская монополия на власть практически в мгновение ока выбыла из игры? Или, в других случаях, какие условия и стратегии привели к созданию нового равновесия?

Для того чтобы разобраться в этих вопросах, я предлагаю избрать методологический подход, которых отличается от используемых во многих известных теориях. На то есть два основания. Во-первых, авторы таких теорий, как я писал выше, пытаются найти обобщающие объяснения этнических конфликтов, но не интересуются причинами бесконфликтных исходов. Во-вторых, некоторые из наиболее популярных подходов просто не работают в постсоветском контексте. Это, прежде всего, относится к следующим трем широко распространенным теориям, затрагивающим проблему этнополитических конфликтов в постсоветском пространстве.

1. “Триада Брубейкера” (7). Р.Брубейкер полагает, что усилению риска этнополитических конфликтов способствует сочетание трех факторов, образующих своеобразный треугольник, сторонами которого являются (а) национализирующееся общество в недавно обретшем независимость государстве; (б) проживающее на территории данного государства меньшинство, которое боится оказаться маргинализированным и (в) “родственники” этого меньшинства в каком-то другом государстве. Хотя названная концепция способна помочь разобраться в трагедии Боснии или в ситуации вокруг Нагорного Карабаха, она не применима к Советскому Союзу в целом. Отсутствуют значимые движения этнических русских, оказавшихся в ближнем зарубежье, за отделение [своих территорий] и присоединение их к Российской Федерации; нет также серьезных выступлений за расширение границ, скажем, Татарстана или Осетии.

Границы, унаследованные от Советского Союза, похоже, вообще не оспариваются.

2. Теория “морозильной камеры” (см., напр.: 8). Данная теория исходит из того, что Советский Союз искусственно “заморозил” нормальные национальные стремления и, когда советская система резко сжалась, долгое время остававшиеся скрытыми мощные национальные движения вновь вышли на поверхность политического процесса. Сторонники этой теории видят в гибели Советского Союза результат национальных движений, игнорируя все факты, свидетельствующие о том, что во многих случаях национальные движения правомернее рассматривать как следствие гибели Советского Союза^{*****}. После распада прежней системы национальная мобилизация обеспечила легитимацию стремлений элит только что освободившихся от зависимости стран.

3. Концепция этнопредпринимательства. Ее приверженцы справедливо констатируют, что национальная мобилизация была результатом агитации этнопредпринимателей, которым требовались основания власти и легитимация их политических притязаний. В то же время они упускают из виду, что в постсоветской России и во многих других частях Советского Союза этнопредпринимательство процветало весьма недолго и в большинстве случаев окончилось провалом. Россия, Украина и Белоруссия структурно непригодны для этнопредпринимательства, и национальные движения в этих странах находятся, соответственно, в оппозиции. В Грузии и Азербайджане этнопредприниматели вначале добились серьезных успехов, но вскоре были вытеснены политическими силами, черпавшими свои ресурсы не только из этнической мобилизации. В большинстве бывших автономных республик СССР (за исключением Абхазии, Северной Осетии и Чечни) этнопредприниматели не сумели захватить власть. Таким образом, направленные на вытеснение [инородцев] стратегии этнической мобилизации оказались довольно неэффективными. Даже после распада государственной монополии на власть, которая обеспечивала состояние мира в районах смешения этносов и конфессий, этнические и национальные предприниматели уступали в организационном плане пришедшим к власти советским “нотаблям” и аппаратчикам.

Итак, если описанные три подхода не способны удовлетворительно объяснить этнополитическое разупорядочение и — еще в меньшей степени — случаи сохранения этнического порядка в высококонфликтной среде, где же искать ту методологическую точку отсчета, которая нам требуется? Я убежден, что любая компаративная схема, претендующая на охват общих причинных связей, обречена на провал, если в ней не учитывается значение “местного”. Важную роль играют местный опыт разрешения конфликтов, местные институциональные соглашения, местные традиции и история. Именно на локальном уровне в конечном счете и происходит институционализация интегративного многообразия. Чтобы объяснить случайности при сходных структурных условиях, необходимо учитывать местную специфику.

Правда, если говорить о Советском Союзе и других социалистических странах, то там “местное”, т.е. традиционные и/или неофициальные институты, изучались недостаточно. Тому есть множество объяснений, но главное из них заключается, вероятно, в “тоталитарном” подходе к исследованию социалистических систем, приверженцы которого исходили из того, что “местного” либо не существует, либо оно не имеет никакого значения. В последние годы, однако, “местное” вновь стало привлекать внимание научного сообщества, и уже сегодня в публикациях Всемирного банка и Международного валютного фонда (при объяснении причин неудачи их общих рекомендаций или отклонения результатов) можно найти ссылки на местные факторы.

Значение понятия “местное”

Под “местным” я понимаю локальные институты, способные выступать в качестве посредников при разрешении конфликтов, сохранять или создавать устойчивое равновесие, обеспечивать интегративное многообразие и размытые пограничные зоны между “мы”-группами. Институты можно определить как оформленные и повторяющиеся образцы взаимодействия людей. Согласно классическому определению Д.Норта, они представляют собой “правила игры в обществе или, более строго, изобретенные людьми ограничения, которые придают форму человеческим интеракциям. Соответственно, они структурируют побудительные причины межличностного обмена — политического, социального и экономического. Институциональное изменение определяет формы эволюции общества во времени и потому является ключом к пониманию изменения исторического” (9, с.6).

Как же специфические местные институты смогли появиться (или сохраниться) в советском пространстве, которое, казалось бы, было полностью опутано централизованной и унифицирующей советской системой управления, всесоюзными центральными институтами, защищенными и навязанными советским аппаратом власти? Дело в том, что масштабы проникновения советской власти в периферийные общества и ее унифицирующее воздействие значительно преувеличиваются — прежде всего в западной литературе, где еще продолжает обсуждаться устаревшая тема тоталитарного общества. “Живучесть” местных институтов объясняется несколькими обстоятельствами.

1. Мультинациональное строение сегодняшней России, вне всякого сомнения, является следствием российской, а затем советской имперской колонизации приграничных зон. Однако, когда имперское государство пытается расширить свои владения и распространить свои правила и нормы на вновь приобретенное пространство, оно, как правило, склонно инкорпорировать некоторые из местных институтов. Это происходит просто потому, что институты — дефицитный товар: учредить новые институты значительно сложнее, чем включить в имперский способ управления уже имеющиеся. Поэтому опосредованное имперское правление опирается на существующие местные институты и организацию власти.

2. Опутывание периферии имперской администрацией может быть (и практически всегда бывает) неполным. Центр способен преуспеть в регулировании через свои институты стратегических областей политики, но другие аспекты общественной жизни нередко оказываются вне сферы центрального управления. Вспомните, например, как в северокавказских обществах отправлялось (и до сих пор отправляется) правосудие. Формальные (советские) органы судопроизводства играли там гораздо меньшую роль, чем традиционные.

3. Существующие местные институты могли приспособиться и в конечном счете слиться с новоустановленными, но даже в этом случае и те, и другие сохраняли свои организационные характеристики. Возьмите, к примеру, симбиотичные отношения между отдельными кланами и силовыми министерствами в Таджикистане, где некоторые кланы по сути дела “пропитали” определенные силовые министерства, соединив таким образом ресурсы последних с традиционной властью клановой структуры (см.: 10).

Так вот, я утверждаю, что необходимым условием становления ненасильственного равновесия является наличие институтов, способных обеспечить интегративное равновесие. Конкретно, я исхожу из того, что на местном уровне действуют формальные и неформальные институты, которые в состоянии не допустить трансформации потенциального насилия в открытое. Эти институты модифицируют или блокируют структурные/“допускающие” условия, предотвращая тем самым сползание к войне.

Согласно моим эмпирическим исследованиям, среди подобного рода институтов наиболее эффективны следующие пять:

1) источники социетального влияния, которые в случае бессилия государства могут выступать в качестве посредников и обеспечивать каналы коммуникации, помогая этническим группам избежать дилемм безопасности и недостатка информации***** (например, в Дагестане при возникновении ситуации потенциального конфликта эту функцию нередко берет на себя мусульманское духовенство);

2) неформальные соглашения о разделе власти, способные сбалансировать соперничество этнических групп по вопросу о доступе к ресурсам и власти;

3) формальные соглашения о разделе власти (со-общественная демократия*****), подобные тем, что практикуются в Дагестане, где действует коллективный орган — Государственный совет — и используется принцип пропорционального этнического представительства в парламенте;

4) транснациональные сети доверия, власти или выгоды, достаточно влиятельные, чтобы подавить этнические притязания. Понятно, что подобные сети, которые в большинстве случаев имеют интернациональный характер и потому в известной степени содействуют общественной безопасности, довольно часто складываются в теневой или даже криминальной экономике. Рынок всегда был интегрирующим, трансэтническим институтом. Однако в бывшем Советском Союзе рынки, как правило, представляли собой теневую или криминальную зону, из чего следует шокирующий вывод: при определенных условиях теневая и криминальная деятельность может укрепить стабильность в районах этнополитического риска;

5) многосоставная структура идентификации и лояльности, которая препятствует созданию эксклюзивных этнических идеологий, идентификаций и лояльностей. В 1993 г. во всех этнических группах Северного Кавказа (за исключением чеченцев и лакцев) большинство рассматривало себя в качестве представителей одновременно и России, и своих титульных республик (см.: 4, с.262). Это явный показатель того, что этнические сообщества Северного Кавказа все еще имеют различные, но взаимосовместимые рамки идентификации и лояльности. Если бы этнонационализм окончательно возобладал, лояльность этнических сообществ полностью бы сосредоточилась на своих группах и территориях, а двойственная идентичность и двойственная лояльность исчезли бы, поскольку этнонационализм неизбежно связан с замкнутостью в своем кругу и отторжением чужаков.

Предварительные выводы

1. Россия и, особенно, многонациональные республики Северного Кавказа являются мультикультурными. Для того чтобы поддерживать устойчивое равновесие и предотвратить культурную унификацию (к которой стремились советская власть и позднее радикальные исламисты) нужны институты, способные обеспечить области взаимодействия между различными “мы”-группами и одновременно сохранить их культурное своеобразие. Первое необходимо любому государству и любому обществу, которым приходится интегрировать особые группы; второе — неизбежно, учитывая рост самосознания “мы”-групп и моду на “аутентичность” и коллективные права в условиях постмодерна.

2. Произошедший в 1991 г. крах централизованного государства побудил северокавказские общества к саморегулированию. Оказалось, что местные институты (как традиционные, так и те, которые возникли в результате приспособления местных моделей саморегулирования к центральным советским

институтам) во многих случаях сумели обеспечить такие области взаимодействия, тем самым предотвратив трансформацию потенциальных конфликтов в “горячие”. Это служит лишним доказательством того, что мультикультурализм содержит в себе не только проблему, но и ее решение.

3. Синкретизм и интегрированное многообразие могут служить преградой для чреватых насилем унификаторских стратегий. На Кавказе подобный культурный и политический синкретизм вырабатывался в течение многих лет, когда управление осуществлялось на основе симбиоза традиционно местных и советских институтов власти. Так, в кавказских обществах до сих пор сохранили значительный авторитет советы старейшин. Когда я задал одному старому балкарцу вопрос о планах балкарского национального движения относительно отделения от Кабардино-Балкарии и создания собственной суверенной республики, он сообщил мне, что они были отвергнуты после того, как собрание балкарских старейшин отказалось поддержать “эти планы некоторых горячих юнцов”. Другим примером может служить Дагестан, где ранее неформальные институты добились немалых успехов в предотвращении конфликтов между этническими группами. Большую роль в создании коммуникационных каналов сыграло духовенство, старые элиты нашли систему неформального раздела власти по принципу со-общественной демократии. В Чечне урегулирование конфликтов между соперничающими группами долгое время обеспечивала система ценностей адата. В Карачаево-Черкесии все еще довольно велика готовность уладить конфликт между общинами с помощью третьей, нейтральной, стороны — России.

4. Сохранение подобных синкретических соглашений способно укрепить стабильность региона, хотя, возможно, за это придется платить: синкретические соглашения часто означают также преграду на пути модернизации, поскольку лидеры, умеющие вырабатывать обоюдодоприемлемые решения, обычно обладают как опытом работы в советском аппарате, так и авторитетом в традиционной референтной системе. На Кавказе и в Средней Азии высшими партийными чиновниками, как правило, становились выходцы из влиятельных кланов, которые отнюдь не относятся к числу ревностных “реформаторов”. Так, сохранение, вопреки всем обстоятельствам, стабильности в Дагестане связано с тем, что там практически не произошла смена элит и что правительство республики крайне осторожно проводит политику приватизации, дабы избежать раздоров по поводу дефицитных пахотных земель. В связи с этим представляется, что быстрые реформы и смена элит, столь активно стимулируемые Западом, рискованны в этнически сложной среде. Это — та дилемма, которую постоянно следует иметь в виду тем, кто вырабатывает политику.

5. Этнополитический конфликт в мультикультурном государстве останется приоритетной для политических и социальных наук темой. Однако я полагаю, что мы должны сконцентрировать усилия на объяснении не конфликта, а причин, по которым конфликт не происходит, т.е. на изучении тех институтов и побуждений, которые блокируют зарождающиеся конфликты. При проведении подобных исследований следует использовать компаративные методы и анализ [процессов] низового уровня. Больше внимания должно уделяться изучению местных и неформальных институтов, обеспечивающих интегральное многообразие.

В основу статьи положен текст доклада, подготовленного для конференции “Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ”, проходившей 23 — 26 сентября 1999 г. в Москве (организаторы — Российская академия наук, Институт философии и Институт этнологии и антропологии). Я хотел бы поблагодарить руководителей конференции В.Тишкова и В.Малахова за оказанную мне поддержку.

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — “Полис”, 1994, № 1.

2. Lemert Ch. *Postmodernity Is Not What You Think*. Oxford, 1997.
3. Zuercher Ch. *Aus der Ostmoderne in die Postmoderne*. Working paper of the Institute of East European Studies, Free University Berlin, 1998, № 19.
4. Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict In and After the Soviet Union. The Mind Aflame*. L. etc., 1997.
5. Zuercher Ch., Koehler J. (eds). *Potentials of (Dis)Order. Former Yugoslavia and Caucasus in Comparison: Introduction*. Berlin, 1999.
6. Тишков В. Забыть о нации. — “Бюллетень Владикавказского центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН”, 1999, № 2.
7. Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996.
8. Carrère d'Encausse H. *The End of Soviet Empire — The Triumph of Nations*. N.Y., 1993.
9. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, 1990.
10. Rubin B.R. Russian Hegemony and State Breakdown in the Periphery: Causes and Consequences of the Civil War in Tajikistan. — Rubin B.R., Snyder J. (eds.). *Post-Soviet Political Order*. L., 1998.
11. Лейпхарт А. Со-общественная демократия. — “Полис”, 1992, № 3.

* Проблему перехода России к постмодерну я затрагивал в своей статье; см.: 3.

** Я не буду обсуждать здесь различия между российским имперским и российским мультикультурным наследиями. В российской и советской истории можно найти как первое, так и второе, и оба они являются источником важных исторических напряжений. Я лишь подчеркну, что ни одно из таких напряжений невозможно и не следует сводить к другому.

*** Обсуждение терминологии см.: 5.

**** Дальнейшее обсуждение во многом опирается на материалы исследовательского проекта “Потенциалы порядка/разупорядочения. Сравнительный анализ бывшей Югославии и Кавказа”, проводившегося Институтом восточноевропейских исследований и Институтом социальной антропологии Берлинского свободного университета. Предварительные результаты исследования будут опубликованы в конце 1999 г.

***** Прекрасное обсуждение национализма после наций дано в: 6.

***** Это замечание справедливо прежде всего по отношению к национальным движениям в республиках РФ и Средней Азии, тогда как в странах Балтии и Закавказья такие движения имели более глубокие корни.

***** Если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний, возрастает риск, что перед этими группами остро встанет дилемма безопасности. Каждая из них будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью государства и протолкнет свою повестку дня. В целях самозащиты группа предпримет меры предосторожности, которые могут быть интерпретированы противоположной стороной как акт агрессии.

***** Термин А.Лейпхарта (см., напр.: 11).